

Ирма Грушевицкая

ВЫЗОВ

УДК 82-3
ББК 84-4
Г91

Г91 **Грушевицкая И.**
Вызов / Ирма Грушевицкая – М.: Литнет, 2025. – 922 с.

ISBN 978-5-521-93342-6

Дом, семья, любящий и любимый муж, ребёнок - что ещё нужно женщине для счастья? Ника без оглядки купается в нём, не зная, что у судьбы на неё свои планы. Роковая встреча разделит жизнь на до и после, и как же долго теперь придётся идти к своему "долго и счастливо"...

Знак информационной продукции согласно
Федеральному закону от 29.12.2010 г. № 436-ФЗ.

ISBN 978-5-521-93342-6

© Литнет, 2025
© И. Грушевицкая, 2025

Светику и Женику посвящается

Пролог

Я помню, как мы выбирали эти стаканы.

Сразу после свадьбы мы с Мишкой ввалились в огромный хозяйственный гипермаркет. Кто-то из друзей порадовал нас подарочным сертификатом, и, помнится, мой новоиспечённый муж всё подначивал: мол, теперь – то я точно перестану ворчать из – за того, что в доме нет ни одного парного стакана.

Да, у нас в доме не было ни одного парного стакана. Сами по себе стаканы были, но по два или по три из разных наборов, что меня очень расстраивало. Когда мы устраивали вечеринки, я, будучи рачительной хозяйкой, чередовала их на столе или ещё кое-что придумывала, чтобы разноразмерный смотрелся более – менее прилично. В последний Новый год, к примеру, обмотала их фольгой. И вот теперь, зайдя в магазин, первым делом направились в отдел с посудой.

Миша катил за мной тележку и в шутку умолял не торопиться с выбором:

– Нам с тобой из них всю жизнь пить! Когда буду лежать на смертном одре, в одном из этих стаканов принесешь мне мой последний глоток воды.

– Я бы не обольщалась. Ты или твои сумасшедшие друзья непременно тюкните их на очередной гулянке. А я буду ругаться. Так что берём много.

– Много? – глаза Мишки округлились.

– Да, много. Думаю, две дюжины будет достаточно.

– Ника, милая, что нам делать с двадцатью четырьмя стаканами?! Если ты боишься, что разобью, давай я вообще не буду к ним прикасаться! А с ребятами мы и из пластиковых попьём.

– С ребятами вы можете хоть из мисок лакать. Никакой одноразово-

вой посуды в моём новом доме! – отрезала я, потянувшись за коробками на верхней полке.

– Осторожнее! – Миша меня перехватил. – Давай я. Какие брать?

– Вон те, высокие, с широкими гранями. Нет, Миш, не эти. Эти с рисунком!

– Ну и что, весёленькие, – улыбаясь, муж покрутил в руках коробку.

– Хочешь пить виски и любоваться Дональдом Даком?

– А что, прикольно! Ребята оценят, – засмеялся он, – и он оценит, когда вырастет, – любовно погладил меня по ещё совсем плоскому животу.

– А я не оценю. И хватит об этом. Нравится? Разрешаю купить два – тебе и ему. Но мне их на глаза не показывайте.

Довольно улыбнувшись, Мишка сложил в тележку к коробкам два стакана с утиной мордой.

Макс любил пить из них молоко. Иногда к нему присоединялся Мишка, и они чокались стаканами, называя себя «молокоголиками». После того, как молоко было выпито, они рукой вытирали друг друга: Мишка одним точным движением стирал молочные усики с довольной физиономии Макса, а тот пятернёй размазывал белый след по отцовскому лицу. Я ругалась, пыталась приучить их к салфеткам, но они упорно делали по-своему, всячески противясь моим попыткам сделать из них культурных людей.

Стаканов осталось штук десять, не больше. За девять лет не то, что с посудой – со всем миром много чего может произойти.

Поначалу, когда разбивался очередной стакан, я расстраивалась. Ругала Мишу, друзей, себя – чего уж греха таить, парочка была и на моей совести. Но Мишка подходил ко мне, обнимал сзади, целовал в макушку и неизменно шептал на ухо:

– К счастью, Никуш. К ещё большему счастью.

Я улыбалась, а муж привычно брал в руки щётку и совок: убирать разбитое стекло было по его части.

Десять штук. Плюс один с утёнком.

Макс свой разбил в *тот* день.

Схватившись за живот, я вскрикнула, чем испугала своего мальчика, и он выпустил из рук наполовину выпитый стакан молока.

Дикими от боли глазами я смотрела на расплывающееся по полу белое озерцо с камушками цветных стеклянных крошек.

– Прости, мамочка, – одними губами прошептал Макс и кинулся ко мне.

– Звони папе, сынок, – простонала я сквозь сжатые зубы и осела на пол.

– Папа не отвечает, мамочка. Я позвонил тётке Майе, она сейчас приедет. Мамочка, тебе очень больно?

Господи, Господи, Господи! Дай мне сил его успокоить!

– Немножко, малыш. – Дрожащей рукой я погладила его по прохладной щёчке. – Извини, что напугала. Похоже, твоей сестрёнке захотелось прямо сейчас появиться на свет. Ох! – Меня скрутил новый приступ боли. – Максимушка, солнышко, не бойся, мы справимся. Попробуй ещё раз позвонить папе. И принеси розовую сумку из спальни.

– Хорошо, мам.

Перепрыгивая через ступеньки, Макс понёсся на второй этаж, а я, оставшись одна, позволила себе застонать от жестокой боли, раздирающей меня изнутри.

Я чувствовала, что-то пошло не так: до срока, поставленного врачами, оставалось три недели. И с Максом такой боли не было, хотя роды длились почти сутки.

Стараясь не поддаваться панике, я сосредоточилась на правильном дыхании. Майка должна быть с минуту на минуту, а Мишку, когда он появится, я просто-напросто убью.

– Никуш, я здесь! Что, нашей девочке не терпится появиться на свет в канун Рождества?

Майка ворвалась в дом и с порога захлопотала вокруг меня, помогая подняться с пола и усаживая на диван.

– Что-то не так, Май. Больно очень. Надо в больницу. Только не знаю, что делать с Максом. И Мишка куда – то запропастился.

– Не нервничай. Они в Питере. Паша сказал, Мишка собирается купить тебе на Рождество нечто особенное, и взял его посоветоваться. Зная своего мужа, предупреждаю сразу: на многое не рассчитывай. Вкус у него не очень.

Майка шутками пыталась меня отвлечь, но получалось не очень. Я скрипела зубами, переживая очередную болезненную схватку, пока она надевала на меня сапоги и нахлобучивала на голову шапку. Шапка оказалась Макса, но подруга этого не заметила.

Сын слетел с лестницы, таща за собой мою собранную в больницу сумку.

– Тётя Майя, мама так сильно закричала! – Он едва не плакал.

– Максим, успокойся. Всё в порядке. – Майя присела на корточки, ловя взглядом огромные перепуганные глазёнки. – Можешь пару минут побыть дома один? Сейчас приедет Лёша, а я пока повезу маму в больницу.

Мой смелый мальчик с тревогой поглядывал на меня.

– Мамочка, с тобой всё в порядке?

Я улыбалась через силу, чувствуя, как от боли на лбу выступают капельки пота.

– Конечно в порядке, родной. Ты только папе звони всё время. И не бойся. Лёша побудет с тобой до его приезда.

– Хорошо. Ты там аккуратнее, ладно, мам? – Макс нахмурился, что-то вспоминая: – Не подхвати какую-нибудь заразу.

– Постараюсь, малыш.

Взяв сумку, Майя помогла мне подняться и набросила на плечи тёплую «аляску» Мишки: ни во что другое я уже не помещалась.

Придерживая большой живот, я не шла, а, скорее, осторожно переставляла ноги. Подойдя к машине, обернулась: мордашка Макса маячила в окне. Тревожные глаза следили за мной, носик прижался к стеклу, становясь похожим на свиной пяточок. Я помахала

сыну. Макс кивнул в ответ. «Господи, где этот балбес?! – ругала я про себя Мишку. – Сдался ему тот подарок! Лучше бы ему сейчас приехать, иначе просто прибью!»

Мы сели в машину – хотя села только Майя, я же туда вползла, – и тут же услышали звук подъезжающего автомобиля.

Из тёмного «джипа» выскочил Алексей – младший брат Майки. Улыбаясь во весь рот, он показал мне два больших пальца и побегал к дому.

Слава Богу, Макс под присмотром. А Мишку я всё-таки убью.

Майка вдавила педаль в пол. Старенькая Майкина «хонда» надрывно взвизгнула.

– Держись, Никуш!

Через час на свет появилась Маруся.

Миши, как мне сказали позже, не стало за пару часов до её рождения.

Я сижу на кухне и кручу в руках последний оставшийся стакан с Дональдом Даком.

Мишкин.

Сейчас в нём скотч, и я напиваюсь в одиночестве. Давят воспоминания о нашей с ним жизни, потом о годах без него. Бутылка подходит к концу, но опьянения я не чувствую. Ступор. Один только ступор. Такой привычный для меня, такой успокаивающий. Безопасный.

Для всех в этом городе я – сильная женщина, которой выпали тяжелые испытания. Во всех встречах взглядах я вижу ободрение, но ищу вовсе не его. Жалости – вот, чего мне хочется. Я устала быть сильной.

В отличие от тех, кто говорит, что жалость убивает, я чувствую в ней необходимость. Меня не нужно подбадривать, меня нужно пожалеть. Я хочу поплакать, пожаловаться, поскулить у кого-нибудь на плече. Никто не даёт мне этого. Ни подружки, ни родители. Все они твердят, что я должна быть сильной. Ради детей. Ради Миши. Ради себя.

И вот я сижу на кухне и напиваюсь. Потому что я, мать вашу, сильная. И от этого же тихонечко вою. Вою от безысходности, страха, одиночества – того, в чём не могу признаться другим. Того, в чем другие не могут меня заподозрить.

«Если тебе когда-нибудь станет плохо, ты будешь в отчаяние, будет нужна помощь, – позвони мне. Я хочу, чтобы у тебя был мой номер».

Сказанные взволнованным голосом слова всплывают из глубин памяти. Непонятно, каким образом, но я слышу их предельно отчётливо, будто говорящий стоит рядом.

Сколько времени прошло? Почти три года? С чего я решила, что *он* вспомнит? Может, *он* давно уже забыл об этом порыве? Может, *ему* это ненужно? Да и номер мог поменять.

«Ника, будь реалисткой! На черта ты *ему* сдалась? Ты же всё понимаешь...».

Понимаю, но рука сама тянется к трубке.

Этот номер я сохранила в памяти телефона тем же утром. Не знаю, зачем я это сделала, для чего? Звонить я точно не собиралась. Не было нужды. Со мной был Мишка, которого я всем сердцем любила. Но эти слова, этот голос, этот мужчина – он тронул меня своей искренностью там, в лобби шикарного отеля, когда говорил мне их целую жизнь назад.

Я нажимаю клавишу вызова.

Один гудок.

Второй.

Третий.

«Ника, ты смешна!»

– Слушаю.

Тёплый бархатный голос окутывает меня.

Он. Олег.

Воспоминания вызывают новый приступ боли, и я стискиваю зубы, справляясь с ней.